

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

2 декабря 2014 года в Институте социологии НАН Украины состоялся круглый стол “Современное массовое сознание: динамика и тенденции развития”, посвященный 90-летию со дня рождения доктора философских наук, профессора, члена-корреспондента НАН Украины, заслуженного деятеля науки и техники Украины, академика Балтийской педагогической академии Лидии Васильевны Сохань. В центре внимания участников обсуждения была концепция “жизнетворчества личности”, созданная под руководством Л. Сохань и успешно разрабатываемая коллективом ее учеников и последователей уже на протяжении 35 лет. Состоялся содержательный разговор социологов, социальных психологов, педагогов о современных подходах к осмыслению связи личности и общества, о перспективах развития научной “школы жизнетворчества”, о внедрении результатов научных исследований в практику.

ЛИДИЯ СОХАНЬ, член-корреспондент НАН Украины, Заслуженный деятель науки и техники Украины, доктор философских наук

От концепции к научному направлению: перспективы развития идей “школы жизнетворчества”

Прежде чем говорить о перспективах, хотелось бы сказать несколько слов об истоках. В 1980-е годы, когда в науке наблюдался всплеск повышенного интереса к проблеме образа жизни, наш коллектив отдела социальной психологии тогда еще Института философии Академии наук УССР влился в общий поток, но избрал свою стезю. Уже в публикации “Образ жизни” (1980) обозначился социально-психологический аспект проблемы. С этого момента руководимый мною научный коллектив устойчиво стал на путь социально-психологических исследований и все последующие работы, посвященные теме индивидуальной человеческой жизни, выполнены в этом ключе: “Стиль жизни личности”, “Жизнь как творчество”, “Жизненный путь личности”, “Разумная организация жизни личности”, “Культура жизни личности” и др. В конечном итоге эта работа и оформилась в виде целостной концепции жизнетворчества.

В словаре-справочнике “Психология личности” о ней написано следующее: “В основу концепции, созданной коллективом украинских ученых под руководством Л. В. Сохань, положено представление о *жизни человека как творческом процессе*. Личность рассматривается как *субъект* жизни, в основе существования которого лежит *жизнетворчество* — духовно-практическая деятельность личности, направленная на творческое проектирование и осуществление ее жизненного проекта. Разрабатывая, корректируя и осуществляя свой *жизненный сценарий*, личность овладевает искусством жить — особым умением, базирующимся на глубоком знании жизни, развитом *самосознании* и владении системой средств, методов и технологий жизнетворчества. Жизнетворчество выступает способом решения текущих, среднесрочных и перспективных жизненных задач. Это процесс упорядочивания личностно-событийной картины жизни, процесс ее самосовершенствования. Концепция разрабатывает также такие понятия, как: “*жизненный путь личности*”, “*образ жизни*”, “*стиль жизни*”, “*культура жизни*” и др.”

Наверное, это достаточно четкое и энциклопедически выверенное определение. Но исходя из современных тенденций в науке, я бы сказала следующее.

Это направление в науке можно было бы связать с тем, что сейчас обозначают термином креативность, если его обернуть на отношение человека к собственной жизни как объекту приложения творческих усилий. Тогда это можно назвать **креатологией** — наукой о творческом построении и осуществлении личностью ее индивидуальной жизни. Креатология имеет все классификационные признаки науки: объект и предмет познания, теорию и метод, свой понятийный аппарат.

Объект креатологии — жизнетворчество личности как субъекта своей индивидуальной жизни, ответственного перед обществом и перед собой за выбор и осуществление своего жизненного пути.

Предметом креатологии являются процессы и технология жизнетворчества как способа творческого проектирования и осуществления личностью своей жизни.

Теория креатологии формируется на почве теории личности как индивидуальности и теории творческой самоактуализации, содержательно интегрируясь собственно в теорию жизнетворчества на основе познания закономерностей и механизмов индивидуального жизнеосуществления.

Креатология имеет уже в определенной степени выкристаллизованные понятия и категории (индивидуальная жизнь личности, жизнетворчество, искусство жизни, психологическая и педагогическая технология жизнетворчества, жизненный путь личности и т.д.), обогащается в ходе своего становления и развития технологическими процедурами диагностики, проектирования и коррекции жизненного пути личности. Узловые моменты исследования жизнетворчества обозначены такими концептами, как *жизнетворчество, искусство жить, жизненный замысел и проект, смысл жизни, концепция жизни, самопознание, самовоспитание и жизненный выбор*. Жизнетворчество — особая высшая форма проявления творческой природы человека. Это духовно-практическая деятельность личности, направленная на творческое проектирование и осуществление ее жизненного проекта

Жизнь человека — процесс индивидуальный, поэтому он имеет многовариантный характер. Проекция предстоящей жизни может вообще не присутствовать в самосознании индивида, который живет, подчиняясь стихии жизненного потока; проекция жизни может сохраняться “в уме”, не объективируясь в письменной или какой-либо иной форме; может вкрапливаться как фрагмент в записи дневника, находить отражение в письмах, особенно близким людям; оформляться в виде жизненного проекта, программы, плана. Нас интересует именно последний вариант — модель жизни как воплощение предварительно разработанных личностью жизненной стратегии, сценария жизни, жизненного проекта.

Актуальность таких исследований сейчас только возрастает. Проблема искусства построения личностью своей индивидуальной жизни приобрела исключительное значение в современную эпоху, которую характеризуют как эпоху “шквала перемен”, время глобальных трансформационных процессов. Овладение умением жить в этих условиях становится жизненной необходимостью для каждого.

Наша главная идея: человек может и должен быть режиссером своей жизни, творчески разрабатывать свою жизненную стратегию, создавать и осуществлять свой индивидуальный жизненный проект, в котором следует реализовать свои личностные устремления как частного лица и социально ориентированные установки как гражданина.

Высказывая подобные идеи, ученый берет на себя особые обязательства — не просто об этом говорить, но и всей своей жизнью показывать на практике возможность реализации таких идей. В своих размышлениях о построении собственной жизни я особое внимание уделяю осмыслению моей жизненной миссии, смыслу моего пребывания в человеческом сообществе. В одном из стихотворений я пишу:

Кто я? Что я? И зачем явилась
 В этот мир в морозный, снежный день,
 Когда вьюга выла, лютовала,
 И дороги замела метель.

Но подобно силе чудодейной,
Сквозь тоскливую, густую мглу
Нежно луч проглянул золотистый,
Словно освятив мою судьбу.
То Фортуна Божьей благодатью,
Может, в долю вкрапила елей.
Оттого таинственно сплелися
И печаль и свет в душе моей.
Воспевая жизнь благоговейно,
Пролагаю в ней свои пути.
Да с тяжелой ношей за плечами
Все труднее и трудней идти.
А в просвете солнца через темень
Видится мне то, чем я живу.
Потому так трепетно и чту я
Снежную сибирскую зиму.

Жизненный путь человека — это не гладкая дорога. Ему приходится преодолевать зачастую невероятные трудности и преграды. Сбивать человека с избранного им магистрального пути, уводить в сторону, а иногда и просто калечить его жизнь могут различные соблазны, которыми усеяна человеческая жизнь. В жизненной программе личности важно наличие установки на то, чтобы не дать себе поддаться соблазнам, уберечь себя от их разрушительного действия. Поэтому закончить хочу строками своего стихотворения “Предостережение юноше”:

У соблазна, помни, колдовская сила,
Если он Далилой тихо подползет,
Не заметишь сразу, что ныряешь в пропасть,
Лакомством заманит, сетью обовьет.
Даже мать родная удержать не сможет,
Распростерши руки, плача и моля.
У соблазна, знай же, дьявольская сила.
Пусть же он сторонкой обойдет тебя.
А коли зацепит, встретишься ты с роком,
Не склоняй же буйной головы,
Раз соблазн коварен, одолеть сумеешь,
Если в поединке не сробеешь ты.

ЕЛЕНА ЗЛОБИНА, доктор социологических наук,
заведующая отделом социальной психологии
Института социологии НАН Украины

Жизнь и творчество “школы жизнетворчества”

Хотя трактовки самого понятия “научная школа” довольно многозначны, можно выделить несколько ключевых характеристик, наличие которых дает право рассматривать научный коллектив как “научную школу”. Это прежде всего наличие авторитетного ученого, который выступает лидером, объединяя учеников вокруг своей идеи. Тут никаких сомнений не возникает. Даже чисто формально перечень регалий Лидии Васильевны Сохань впечатляет: член-корреспондент Национальной академии наук Украины, заслуженный деятель науки и техники Украины, академик Балтийской педагогической академии, доктор философских наук, Почетный член Социологической ассоциации Украины, лауреат премии Национальной академии наук Украины, присуждаемой за выдающиеся научные труды в области истории,

философии, государства и права. Перечень можно продолжать, однако представляется, что этот пункт не требует дальнейших обоснований, поскольку авторитет Л.Сохань безусловно признан научным сообществом.

Значительно более важным представляется следующий критерий — наличие оригинальной научно-исследовательской программы. Действительно, ученый может достичь блестящих результатов и быть отмечен всевозможными званиями и наградами, работая в русле развития идей, уже существующего направления. Однако в отношении Лидии Васильевны Сохань можно смело утверждать, что именно ей принадлежит авторство действительно оригинальной научной идеи, представляющей жизнь человека как творческий процесс.

Третий критерий предполагает наличие механизмов воспроизводства, обеспечивающих преемственность научной традиции. В нашем случае речь идет о специальном научном подразделении, которое было создано в Институте философии тогда еще Академии наук УССР в 1969 году. Именно тогда отдел философских проблем психологии возглавила Л.Сохань. Отметим сразу и соответствие четвертому критерию, такому как длительный период деятельности нескольких поколений ученых. Отдел в этом году отмечает достаточно солидную дату — 45 лет с момента создания. С 1990 года он вошел в состав вновь созданного Института социологии НАНУ и стал называться отделом социальной психологии. Причем характерно, что Л.Сохань, создав отдел, проработала в нем 40 лет. Первые 20 лет была его бессменным руководителем, а потом еще 20 лет оставалась главным научным сотрудником и главным научным авторитетом отдела, которым руководили выросшие под ее руководством представители нового поколения “школы Сохань”.

И наконец, критерий, который представляется наиболее важным и касается наличия каналов реализации добытого знания, которые делают вклад научной школы видимым для всей научной общественности. Для научного коллектива наиболее естественным способом презентации своих достижений являются публикации. И тут опять-таки очень хорошо видно, с чего начинается и как развивается научная школа. В нашем случае роль лидера несомненна. Направление развития школы было определено в монографии Л.Сохань “Духовный прогресс личности и коммунизм”, вышедшей в свет еще в 1966. А сегодня перед нами новая, чрезвычайно насыщенная монография “Жизнетворчество как искусство. Предназначение. Жизнетворчество. Судьба: Социологические очерки, социально-психологические эссе, интервью”, в которой собрано лучшее, созданное Лидией Васильевной в процессе многолетней работы над проблемами житнетворчества. И даже если бы речь шла только об этой книге, можно было бы с уверенностью говорить о разработке нового научного направления. Однако поскольку предметом нашего интереса является история научной “школы житнетворчества”, остановимся на монографиях, подготовленных учениками и соратниками Лидии Васильевны. Фактически в рамках развития идей житнетворчества создана небольшая библиотека трудов школы, в которой больше 50 монографий, как коллективных, так и индивидуальных. Причем все они тематически довольно близки, хотя и демонстрируют постепенное расширение исследовательской проблематики. В 1980-е авторы сконцентрированы преимущественно на проблеме образа и стиля жизни. В 90-е проблематика житнетворчества дополняется проблематикой жизненных кризисов. В 2000-х мы наблюдаем возвращение к ранее проработанным теоретическим проблемам на новом уровне и в новых социальных условиях.

Анализируя в целом эти издания, следует отметить, что они демонстрируют соответствие и другим критериям, на основе которых можно говорить о существовании научной школы. Даже анализ названий монографий дает возможность говорить о существовании общего научного языка. А их содержание убедительно демонстрирует наличие взаимосогласованных объяснительных моделей и общих образцов решения проблем, предполагающих использование совместного инструментария и согласованных методов интерпретации.

И, наконец, критерием научной школы является наличие кандидатских и докторских диссертаций, защищенных по определенному направлению. Что касается “школы Сохань”, то только сама Лидия Васильевна подготовила более 40 кандидатов и докторов наук. Причем ядро научной школы сконцентрировано в том же, когда-то созданном под ее руководством отделе, где в настоящее время формируется уже третье поколение ученых. Если доктора наук, представляющие второе поколение, — Е. Головаха, Н. Шульга, И. Мартынюк, Е. Донченко, Е. Злобина, Н. Соболева, Л. Бевзенко — учились у самой Лидии Васильевны, то представители третьего поколения — это уже ученики учеников. Например, А. Резник стал кандидатом, а потом и доктором наук под руководством Н. Шульги. На выходе еще две докторские диссертации наших молодых коллег, консультантами которых являются Н. Шульга и И. Мартынюк.

И такой активный научный рост не случаен. В принципе совместная научная работа может быть организована по-разному. Иногда это объединение исследователей, нацеленных на решение конкретной научной проблемы. Иногда это объединение вокруг лидера, при полном и безоговорочном его доминировании. И довольно редко это объединение исследователей, в котором каждый может максимально раскрывать свой творческий потенциал. Именно этот тип научного объединения складывался под руководством Лидии Васильевны. Свобода выбора исследовательской проблемы всегда представлялась не только уже состоявшимся научным работникам, но и молодым аспирантам, которых учили говорить на общем языке и использовать согласованные методы интерпретации. Обсуждение всегда предполагало серьезный анализ представленных текстов, но никогда не сводилось к разгромной критике, а давало новое направление для научного поиска.

И именно этот тип коллективной организации в значительной мере снял довольно важную для существования научной школы проблему подготовки лидером преемника. В принципе оказалось, что уроки Лидии Васильевны были хорошо усвоены всеми ее учениками, а поскольку большинство из них стали докторами наук, то отдел социальной психологии, после того как Лидия Васильевна перестала занимать формальную позицию заведующей, спокойно пережил руководство по крайней мере пяти ее учеников. И это никак не отразилось на содержании и результатах работы как раз в силу того, что воспроизводство типа личностной культуры исключает непрофессионализм, поддерживая единство направления, но признавая право исследователя на самостоятельный поиск. Благодаря Л. Сохань социально-психологическое направление в украинской социологии стало довольно влиятельным и приобрело популярность даже у тех коллег, которые поначалу довольно скептически относились к самому существованию социально-психологической проблематики в социологических исследованиях.

И закончить свое выступление я хотела бы словами глубокой признательности Лидии Васильевне Сохань не только как основателю научной школы, но и, прежде всего, как неординарной глубокой личности, которая всегда была и остается для нас примером реального воплощения в жизнь идеи жизнетворчества.

НИКОЛАЙ ШУЛЬГА, член-корреспондент НАН
Украины, доктор социологических наук, заместитель
директора Института социологии НАН Украины

Потеря понятия личности в тезаурусе науки

Из концептуальных основ теории жизнетворчества Л. Сохань как бы по умолчанию следует, что понятие жизнетворчества предполагает личность как творца своей жизни. Исходное положение этой теории и состоит в том, что личность сама делает свою жизнь, она ответственна за свою судьбу, от нее самой зависит, как сложится ее жизнь. Иначе говоря, доминантой этой доктрины является личность.

Однако само понятие “личность” в последние два десятилетия в теории ушло в тень. Возможно, это мало заметно в психологии, но не в социологии и философии. К тому же сегодня в теории это понятие подается как преимущественно несамостоятельное. Оно предстает с каким-либо определением: социализация личности, ценности личности, социальные роли личности, идентификация личности и т.д.

Одной из причин такого положения является отход теории и практики от матрицы Просвещения. Философским основанием теории личности были, как известно, идеи Просвещения: гуманизм с его ценностями добра, человеколюбия, всестороннего развития личности.

Однако общество потребления отвергло ценности Просвещения. Украинское общество еще не стало в полном смысле обществом потребления. Большинство населения остается бедным. Однако оно ориентируется на ценности общества потребления и принимает их. В этих условиях конструкт всесторонне развитой личности оказался рудиментом, утопической легендой в реалиях нынешней жизни.

Вместе с тем в дискурсе политиков и гуманитариев этот конструкт продолжает жить. Примером этого является Основной Закон Украины: “Каждый человек имеет право на свободное развитие своей личности, если при этом не нарушаются права и свободы других людей, и имеет обязанности перед обществом, в котором обеспечивается свободное и всестороннее развитие его личности” (Конституция Украины, ст. 23).

Несомненно, в обществе, где господствуют ценности потребления, не могли не произойти принципиальные изменения в научной тематике. В результате тема личности стала вымываться из научного тезауруса, она стала оттесняться на маргинец как научной проблематики, так и публицистики.

Хорошо это или плохо, я не знаю. Вернемся ли мы к ценностям гуманизма — это уже вопрос философский. Если вернемся, то сделаем ли мы их снова доминантой воспитания личности? Если не сделаем, тогда встает еще один вопрос: должны ли ученые и мыслители сегодня обсуждать эту тематику, размышлять над ней или это уже безвозвратное прошлое? Возможно, человечество будет развиваться на основе другой матрицы смыслов и навсегда откажется от идеала всестороннего развития личности. Такое общество будет по-иному понимать предназначение отдельных своих особей, по-другому понимать смысл жизни человечества.

А пока мы находимся в той теоретической лакуне, где пир правит постмодернизм с его всеядностью. Здесь, пожалуй, одним из немногих, если не идеалов, то всеми признанных ориентиров, является УСПЕХ. Поэтому в центре исследований находится не личность, а методики по достижению успеха. Однако успех не предполагает ни развития личности, ни ее самореализации, а только самоутверждение.

Путь к успеху и жизнотворчество — это совершенно различные по смыслу процессы. Даже жизнотворчество без акцента на личности приводит к парадоксам, в частности к такому, что жизнь проживает биологический индивид, в котором в разное время воплощаются, живут несколько разных не сводимых одна к другой личностей, реализующих на разных этапах жизни не просто разные, как теперь говорят, проекты жизни, а морально несовместимые. Этот парадокс со всей остротой поднимает проблему ядра личности как неотъемлемого атрибута: если нет ядра личности, то нет и личности, а есть идентичности, много идентичностей.

В теории ядро личности теперь разбилось, раскололось на агрегатное множество. Однако из агрегата идентичностей невозможно собрать целостную личность.

Отсутствие или размытость ядра личности, наличие повреждений в нем открывают возможность манипуляций с идентичностью. Особенно распространенными в наши дни стали спекуляции по поводу своих идентичностей в прошлом. Личность с поврежденным ядром легко сегодня отказывается от себя, от своих идентичностей в прошлом, по-видимому, вытесняя в подсознание все свои прошлые идентичности, не вписывающиеся в политическую конъюнктуру, таким образом решая проблему морального диссонанса.

В заключение выскажу три коротких тезиса.

Первый: личность невозможна без сформированной социальной ответственности.

Второй: поднятые мною вопросы — это всё больше философские проблемы. В связи с этим встает еще один вопрос: “А хорошо ли то, что мы, социологи, так дистанцировались от философии?”

Третий: раскрыть все богатство личности невозможно через одно научное познание. Ее космос может приоткрыться только при помощи всех возможных средств постижения — философии, науки, искусства, литературы.

ЭДУАРД АФОНИН, доктор социологических наук,
профессор кафедры государственной политики и
управления политическими процессами Националь-
ной академии государственного управления при
Президенте Украины

Новая украинская реальность, начало которой положила “частная жизнь”

Тектоническими можно назвать сдвиги, осуществленные в начале XX века в пространстве европейской культуры ее носителями — странами евроатлантического ареала. Этот сдвиг получил отражение в теориях австрийца А.Адлера, швейцарцев К.-Г.Юнга, В.Франкла, американца А.Маслоу и др. Речь, главным образом, идет о сдвиге понимания истоков развития жизнедеятельности личности от сознательно определенных до обусловленных самой личностью, об усилении значения самодетерминации развития человека в его жизненном пространстве.

Выходом за пределы традиционности можно назвать родившийся, таким образом, новый, экзистенциальный подход к пониманию творческой личности. Ее бытие отныне стало привычно осмысливаться как процесс самосоздания и самореализации человека, который определяет свою личность и творческую силу изнутри, связывая их с определенными личностными состояниями или переживаниями. Развиваясь в рамках психологии творчества, новый подход обогащается идеями творческой эволюции А.Бергсона и экзистенциальной философии М.Хайдеггера, блестяще реализуется в теории креативности и спонтанности Я.Морено.

Европейские культурные идеалы распространяются по миру, воплощаясь в так называемые общественно-трансформационные процессы конца XX века, которые теперь охватили политику, экономику, культуру и науку стран Центральной и Юго-Восточной Европы, республик бывшего СССР.

В отечественной социально-философской и психологической науке среди немногих исследований экзистенциальных аспектов творчества и переживания можно назвать работы Лидии Васильевны Сохань.

Возглавив в начале 1960-х годов отдел социальной психологии, а с 1968 до 1978 года Украинское отделение советской социологической Ассоциации, Лидия Васильевна стала инициатором ряда научных проектов, посвященных проблемам психологии и технологии жизнетворчества, которые со временем оформились в научную школу жизнетворчества.

Экзистенциальные идеи “жизнетворчества личности” стали стержневыми линиями ряда исследований, консультантом которых была Лидия Васильевна. Национальными жемчужинами среди таких проектов считаются: комплекс первых на постсоветском пространстве военно-социальных исследований, выполнявшихся по заказу Министерства обороны Украины, результаты которого нашли отражение в

монографии “Становление Вооруженных сил Украины: социальные и социально-психологические проблемы” (1994; 2014 — второе издание); психолого-педагогический эксперимент Хортинского национального многопрофильного научно-реабилитационного центра, посвященный развитию творческого потенциала детей и обучению их искусству жизнотворчества, результаты которого отражены в учебно-методических пособиях “Психология и педагогика жизнотворчества личности” (1996), “Жизненные кризисы личности” (1998), “Жизненная компетентность личности” (2003), “Украинская научная школа психологии и педагогики жизнотворчества: достижения, проблемы и перспективы развития” (2013) и др.

Плодотворная и многогранная научная деятельность Лидии Васильевны, развивавшаяся в лоне экзистенциального подхода, приобрела особую окраску в новых, посттрансформационных условиях жизнедеятельности украинского общества. Ведь чем более уверенным становится в обществе индивидуальность (и индивидуальная ценность), тем продуктивнее становится личностное творчество, а ее воображаемые миры превращаются в могучий источник общественного развития.

Расширяя границы своей “частной жизни”, человек, по словам П.Горностая, “приобретает возможность дополнительной самореализации, проживая не одну, а как бы несколько жизней, условно становясь тем, кем в реальной жизни ему стать не суждено. Подобное происходит благодаря ролевой децентрации, то есть своеобразному перевоплощению в объект творчества. Творец идентифицирует себя с образом, формируемым его творческим воображением. Это сопровождается ролевым переживанием, возникающим в результате не поведенческого, а чувственного проигрывания социальных и психологических ролей, как задаваемых жизнью, так и создаваемых творчеством: писатель и актер переживают судьбу своих героев, художник находится в пространственно-временном мире созданных образов, педагог живет жизнью воспитанников, ученый создает свою научную картину мира”¹.

Отныне “постсоветский человек” нацеливается не только на удовлетворение общесоциальных потребностей, но в первую очередь опирается на индивидуальные потребности, в том числе потребности самореализации. Государство и бизнес все шире акцентируют свое внимание на коммуникативном компоненте жизнедеятельности общества. Теоретические основы и принципы, закладываемые учеными в новое понимание общественной природы, отождествляются с образом неустойчивой, открытой системы, которой присущи нелинейный характер развития и самоорганизация (Н.Луман, Ю.Хабермас), обуславливаемые творческим характером личности, невозможным вне феномена и категории “частная жизнь”, которые утверждала с первых лет Украинской независимости наш юбиляр — Лидия Васильевна Сохань.

ЛЮБОВЬ БЕВЗЕНКО, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Игра на успех в нелинейном социуме

Центральная идея работ Лидии Васильевны — концепция жизнотворчества для меня всегда представлялась очень притягательной. Полностью соглашаясь с Лидией Васильевной в том, что наше главное творение — наша собственная жизнь, я не могла нащупать для себя тот основной нерв этой идеи, прикоснувшись к которому можно понять, почувствовать (лично для меня, прежде всего), как это возможно

¹ Горностай П.П. Личность и время: Творчество как переживание / П.П.Горностай // Психодрама и современная психотерапия. — 2003. — № 4(5). — С. 18–26.

практически. Разгадка для меня пришла внезапно буквально накануне юбилейных торжеств, когда мы с Лидией Васильевной готовили интервью для Вестника Академии наук. Последняя фраза, которой она закончила это интервью, звучала так: “Девиз моей жизни таков — не каждый может стать Рафаэлем, но почему бы не попробовать!” И тут я поняла — это не фраза человека, творящего себя в сопротивлении потоку жизни, идущего своим путем, несмотря ни на что; это приглашение к игре — и с Жизнью под названием “Стать Рафаэлем!”. И тут для меня пазлы сложились, я оказалась уже на территории своих концептуальных представлений, где понятие игры — ключевое в описании процессов социальных изменений в социуме, отличающемся высокой нелинейностью и неравновесностью.

Отдаливаясь от этого, я смогу искать ответ на главный вопрос, который у меня всегда возникал — как выглядит процесс жизнетворчества в условиях ограничений, которые эта самая жизнь на тебя налагает. Как возможна в этих условиях свобода, без которой невозможно никакое творчество. Игра — единственная форма отношений, когда чувство свободы и чувство подчиненности правилам не вступают в противоречие. Но как только мы жизнетворчество начинаем трактовать как игру с таким партнером, как Жизнь, мы оказываемся перед задачей понять, каковы правила этой игры, какими ресурсами обладает партнер и где наши ресурсы-возможности.

“Стать Рафаэлем” может расшифровываться двояко — реализоваться лично и реализоваться социально. Я поговорю о второй составляющей, рассмотрение которой невозможно вне вопроса и том, что представляет собой тот социум, где происходит эта социальная реализация. Понятием, которое мне поможет говорить на эту тему дальше, будет понятие социального успеха.

Достижение социального успеха в некотором смысле можно считать тем выигрышем, который организует одну из наших основных игр с жизнью. И вот здесь уже невозможно продолжать внеконтекстуальные рассуждения, поскольку смысл того, что называется успехом, очень вариативен и зависит от тех конкретных социальных и культурных условий, в которых мы хотим этого успеха достичь. Жизнь как партнер по игре в лице культуры предлагает нам этот смысл, а в лице конкретных социальных институциональных ресурсов — инструменты его достижения. И не поняв, на какой контекстуальной площадке мы играем, мы не можем рассчитывать на выигрыш. Конечно, говорить о культурных контурах жизнетворчества можно только схематически, поскольку эти контуры у каждого, по большому счету, свои. Но, тем не менее, есть несколько макрокультурных форматов, которые касаются большинства из нас и которые активно участвуют в процессе смыслообразования в нашей конкретной ситуации. Я говорю о макроформатах традиционной, современной, постмодерной и даже афтепостмодерной культуры. Так исторически случилось, что на нашей территории они присутствуют практически одновременно, просто по-разному затрагивая своими смысловыми императивами разных людей, разные регионы, разные поколения.

Ярко и рельефно разницу этих смыслов успеха можно увидеть в том, как входит в эти культурно заданные смыслы, например, такая ценность, как семья. Безусловно, в вопросах о ценности семьи мы еще долго будем получать единодушно положительные ответы, но в данном случае речь о связке “семья — практики успеха”. И эта связка очень зависит от культурных контекстов, с которыми мы явно или неявно себя соотносим.

Успешный человек традиционной культуры — с необходимостью человек семейный, причем семья мыслится как многопоколенная, наличие детей безусловно обязательно. Успех размыт по семье, успех детей и внуков — он же успех родителей. Например, Катерине Белокур, работы которой сейчас стали гордостью многих музеев мира, родители в свое время запрещали рисовать, причем в очень жесткой форме, аргументируя это тем, что это может привести к самому страшному — ее никто не возьмет замуж. Что и случилось, успешная по нашим теперешним меркам, она была неудачницей в рамках той культуры.

Модерн со своим акцентом на личности и индивидуальности эти смыслы сместил в сторону карьеры, социального признания. И семья в качестве маркера успеха здесь уже закономерно начинает отступать, adeptов этого культурного поля уже не страшат разводы, неполные семьи. Один из культовых фильмов советского экрана “Москва слезам не верит” свою героиню делает успешной прежде всего в карьере, она уважаема и социально статусна, хотя с семей все не так однозначно.

Культура постмодерна, легко играющая всеми идентичностями, похоже, начала с идентичности семейной в первую очередь. И вот уже смысл и семьи, и отцовства-материнства размывается до неузнаваемости. Формат беби-фри, рожденный еще в ситуации противоречия между карьерой и ребенком, окончательно закрепляется как один из постмодерных форматов семейных практик. Хотя нужно сказать, что разобраться с тем, что значит успешный человек в постмодерном формате, довольно сложно. Но то, что семья тут фигурирует очень мало — это однозначно. Номадический стиль жизни как присущий этой культуре стилезиженный выбор предполагает максимум свободы и отсутствие якорей, ее сдерживающих. Семья возможна, если способна в это вписаться.

Сейчас на горизонте уже просматривается новый культурный контур, который иногда называют афтепостмодерном — с его фрилансом, дауншифтингом, аутсорсингом, онлайнновыми аналогами многого того, что сейчас еще существует в режиме оффлайна. Что будет успехом и семьей в этой культуре, какими станут здесь игры жизнетворчества? Сказать трудно, но показательно, что способность к творчеству, непрерывная креативность становится одной из основных характеристик стиля жизни людей этой новой культуры. И, возможно, в рамках этой культуры успех станет не результатом, а процессом, и быть успешным будет означать быть креативным всегда, вплоть до повседневного измерения, которое раньше всегда отдавалось на откуп сфере привычного и рутинизированного. Как здесь будет с семьей, еще непонятно, но то, что эта креативность позволит по-новому посмотреть на жизнетворчество, несомненно. Впрочем, футуристические прогнозы в нелинейном социуме — вещь неблагодарная в силу их неустрашимой вариативности. Возможно, нас впереди ждет совсем другой культурный формат, о котором мы сейчас вообще не подозреваем.

ИГОРЬ МАРТЫНЮК, доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник отдела социальной
психологии Института социологии НАН Украины

Роль целеполагания в процессе жизнетворчества

Научная школа изучения жизни как творчества, основанная Лидией Васильевой Сохань в последней трети прошлого века, еще в период расцвета “развитого социализма”, не была данью “казенному оптимизму” типа “все во имя человека и ради человека”. Наоборот, несмотря на провозглашаемый официальный идеологический стандарт всестороннего и гармоничного развития человека ударение делалось на индивидуальной “самости”, свободе самостоятельно выбирать линию своей жизни, а значит, и праве на ошибки, отходе от нормы, оригинальности практик жизнеосуществления.

Квинтэссенцией теории жизнетворчества является активное сознательное отношение индивидуального субъекта к своей жизни, возможность распоряжаться ею в соответствии со своими ценностями и желаниями. А это предполагает, с одной стороны, глубокую рефлексию, познание и осмысление (а в дальнейшем и неоднократное переосмысление) окружающего мира и самого себя, своих возможностей, способностей, интересов и потребностей. Жизнетворчество предполагает в качестве непреходящего

ного условия пересечение двух плоскостей — формирования и совершенствования мировоззрения индивида и практического жизнеосуществления, освоения форм преобразующей деятельности, интеграции в социальный мир. В процессе первичной, а затем и вторичной социализации человек помимо воли попадает в ситуации, требующие самоопределения, и историю его жизни можно в определенном смысле рассматривать как ряд жизненных выборов, отказ от одних вариантов развертывания жизненного пути в пользу других. По мере формирования зрелой личности возрастает удельный вес самостоятельности в принятии судьбоносных решений и одновременно открывается пространство для жизнетворчества и повышается ответственность за оптимальное использование доступных ресурсов и собственного потенциала.

Жизнетворчество начинается там, где человек сознательно выстраивает исходя из доступных в данных жизненных обстоятельствах возможностей (точнее — из своего представления о них) собственную стратегическую линию поведения, организовывает собственную жизнь в соответствии с намеченной программой. Именно создание и реализацию жизненной программы Л.Сохань определяла как ядро, главный компонент концепции жизнетворчества.

Жизненная программа — это не помпезный и торжественный документ, который сакрализуется и “покрывается пылью от торжества до торжества”. Это рабочий инструмент личности, операционализирующийся в системе жизненных целей, планов и стратегий. Первые служат ответом на вопрос “для чего?”, вторые — на вопрос “что?”, третьи — “как?” должен действовать субъект, а жизненная программа должна объединять, координировать и согласовывать все эти составляющие, определяя порядок реализации и приоритетность.

Но главное место в этой сложной мотивоформирующей системе занимают жизненные цели, которые определяют содержательную направленность жизнедеятельности. Целеполагание аккумулирует и подытоживает духовно-практическую деятельность субъекта в плане самоосознания жизненного мира и своего места в нем, будучи оформленным результатом стремления изменить существующее положение вещей в соответствии со своими потребностями. Однако наиболее совершенные ментальные конструкты оказываются всего лишь предпосылкой жизнетворчества, если не воплощаются в повседневные практики целереализации. Поэтому творческий элемент содержится не только в сознательном выборе цели, путей и способов ее достижения, но и в их воплощении, конкретизации в одном из множества потенциально возможных образцов поведения.

Таким образом, целеполагание вносит рациональный момент в процесс жизнеосуществления; самостоятельность человека в принятии судьбоносных выборов в соответствии с поставленными целями делает его властелином, демиургом собственной судьбы. Однако личность — не запрограммированный автомат, действующий и мыслящий сугубо рационально. К намеченным целям ведет множество тропинок, и то, какую из них человек выберет и насколько успешно преодолеет этот отрезок жизненного пути, будет показателем уровня его жизненной культуры и компетентности, наконец, мерилем искусства его жизнетворчества.

НАТАЛИЯ СОБОЛЕВА, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Жизненный выбор как фактор самоопределения личности

Личность является специфическим средоточием различных социальных связей и отношений. Ее жизнь разворачивается в неповторимой индивидуальной био-

графии, жизненный путь предстает как собственная судьба. Особенности современного этапа цивилизации отмечены усилением личностного начала в социуме и возростанием притязаний личности на более сложные уровни самоорганизации в своей жизнедеятельности. Исторический масштаб жизни личности может ограничиваться конкретной биографией, может касаться жизни только одного поколения, той или иной социальной группы, а может отвечать масштабу целой исторической эпохи. Жизненный путь как многовариантная история жизни личности, определяемая конкретными условиями существования и индивидуальными особенностями и возможностями самореализации, является не только историей продуктивного осуществления индивидуальной жизни, но и созиданием человеческой истории. Личность не просто живет в заданном мире, она активно преобразует своей деятельностью и собственным жизненным миром, и историю общества в целом.

Одним из самых важных и наиболее продуктивных понятий при анализе жизненного пути является понятие жизненного выбора. Жизненный выбор — это поступок в масштабе жизни как целостного феномена. Жизненный выбор позволяет реально и наглядно, а не декларативно обнаружить, ради чего человек живет, к чему стремится, как достигает своей жизненной цели. В процессе выбора субъект отстаивает свои жизненные ценности, которые выступают содержательно-смысловыми характеристиками жизненного выбора. Поиск, восприятие и принятие либо отказ от тех или иных ценностей определяют духовную биографию субъекта, служат узловыми моментами или событиями внутренней жизни, детерминирующими жизненный выбор. Именно с такими событиями связаны главные качественные изменения в развитии субъекта, динамика этих изменений, реальная перестройка ценностной системы личности. Осуществляя выбор, субъект принимает определенное решение и реализует его. Качественная определенность выбранного решения по жизненно важному поводу и своеобразию его реализации (а способов такой реализации может быть немало в рамках одного и того же самого решения) являются составляющими жизненного выбора, его инструментальными характеристиками.

Интенсивность и насыщенность современных социально-исторических процессов, которые отражаются в калейдоскопически быстрой и кардинальной смене привычных обстоятельств жизни, необходимость адекватно и оперативно реагировать на постоянно меняющиеся жизненные ситуации обуславливают превращение принципов творческого отношения к жизни, оригинальности и продуктивности жизнедеятельности из отвлеченно-гуманистического идеала в объективно необходимое качество личности. Творческое отношение к жизни заключается в том, чтобы целеустремленно и активно изменять обстоятельства, препятствующие свободному развитию человека, а реализация этого творческого отношения осуществляется именно через жизненные выборы субъекта. Достижение власти над собственной судьбой, возможность регулировать свою жизнь, подчинять своим намерениям обстоятельства жизни и изменять их согласно задуманному ведут к тому, что творческое отношение к окружающей действительности и себе самому становится мировоззренческим стержнем личности. Творческий человек стремится не только познать социальную реальность как историю, как движение от вчера через сегодня в завтра, но и определить свое место в этом движении, найти и укрепить связь смысла своей жизни со смыслом времени, в котором он живет. Кульминационными, узловыми моментами этого творческого поиска являются жизненные выборы личности, то есть принятие ответственных решений по кардинальным проблемам собственной жизни и выбор способов реализации принятых решений. Жизненный выбор отражает само это движение, процесс индивидуального развития, рост, меру личной причастности индивида к общественной истории и культуре. Будучи исходной точкой каждого нового этапа развития субъекта, жизненный выбор наиболее выразительно отражает его ценностные ориентации и фокусирует смысловую значимость принятого на этом основании решения. Именно в ситуации ответственного выбора

направления и стратегии дальнейшей жизни — а по сути, собственной судьбы — выступают настоящие, реальные, а не декларируемые, жизненные ориентиры субъекта — принятые им главные ценности (самоценности) жизни.

Благодаря способности осуществлять жизненные выборы реализуется присущая человеку потребность в достижении максимально возможной полноты жизни. Жизненный выбор можно осуществить одномоментно, особенно в критической, экстремальной ситуации, требующей немедленного реагирования, но чаще это развернутый во времени процесс, связанный с напряженной “работой души”, этической рефлексией, что в итоге ведет к важным изменениям во внутреннем мире субъекта.

Так или иначе, но жизненный выбор либо в отношении одной из линий развития личности, либо относительно общей направленности жизненного пути является сложным процессом, вовлекающим в принятие соответствующего решения и реализацию последнего практически все подструктуры личности. В качестве необходимых компонентов жизненный выбор включает:

- постановку жизненных целей и определение меры их приоритетности;
- выработку внутренней позиции, личного отношения к объективным условиям, обстоятельствам, явлениям и собственным потребностям, образующим ситуацию выбора;
- сопоставление возможных позитивных и негативных последствий выбора, предвидение его результатов в социальном и индивидуальном ракурсе;
- определение жизненной перспективы и составление жизненных планов;
- определение практической линии поведения и приведение системы поведенческих установок и регуляторов в соответствие с принимаемыми решениями.

Иными словами, жизненный выбор осуществляется в результате соотношения этически-мировоззренческого, ценностно-целевого и деятельностно-поведенческого самоопределений субъекта. Именно возможность выбора, то есть рационального, сознательного предпочтения определенной линии поведения и жизни в целом является условием формирования чувства социальной ответственности. Выбор нередко осуществляется в конфликтной ситуации, когда сталкиваются интересы общества и личности, собственные интересы индивида и интересы тех или иных социальных групп. Поэтому при выборе учитываются не только аргументы в пользу преимущества одной линии поведения по сравнению с другими возможными в данных условиях, но и последствия отказа от других, альтернативных путей решения вопроса. Это означает, что субъект несет ответственность не только за выбранный путь развития, но и за отвергнутое, нереализованное им. Селекционная функция жизненного выбора раскрывается в процессе отбора новообразованных или заимствованных поведенческих моделей и стилей жизни, которые в наибольшей мере отвечают потребностям субъекта и общества на данном этапе развития.

ТАТЬЯНА ТИТАРЕНКО, член-корреспондент НАПН Украины, доктор психологических наук, заведующая лабораторией социальной психологии личности Института социальной и политической психологии НАПН Украины

Способы оптимизации практик жизнеконструирования

Процесс жизнотворчества предполагает множественность смысловых видений себя внутри собственной жизни. Значимые для личности культурные тексты вступают с ней в диалоги, порождая многочисленные контексты как среду ее существования. Личность привносит в эти диалоги собственные смыслы, свои жизненные и

семейные истории, приобретенный опыт. Автобиографирование как конструирование жизненного пути формируется на взаимопересечениях этих культурно-индивидуальных контекстов.

Благодаря осуществлению постоянного и произвольного рефлексивного мониторинга собственной жизни личность способна переинтерпретировать, переоценить собственные практики, возможности идентификации, автономизации, построения диалога и, соответственно, влиять на их трансформации.

Чтобы определить способы оптимизации практик, нужно сосредоточиться на основных векторах жизнеконструирования.

Первый — персональный — вектор является конфигурацией практик, нацеленных на самоидентификацию, построение личностью самой себя. Благодаря активным и пассивным, дискретным и процессуальным практикам личность объединяет определенные оценки себя, проявления отношения к себе, экспектации со стороны окружения, способы заботы о себе в смысловые цепочки, тематические серии. Конституируя себя, она использует как креативные, индивидуальные, так и рутинизированные, привычные, фоновые способы поведения — в мегаполисе одни, в небольшом городке другие.

Второй — пространственный — вектор является конфигурацией фоновых и преобразующих практик, продуцирующих актуальную коммуникативную территорию личности. Речь идет о способах взаимодействия личности с социумом, государством, семьей, профессиональной, религиозной и другими общностями. Это пространство значимых отношений личности с реальными и воображаемыми “Другими”, имея внутренний потенциал к самоорганизации, характеризуется динамичностью, склонностью к образованию сетей и лабиринтов. Баланс повседневных и преобразующих практик обеспечивает для личности относительную стабильность коммуникативного поля, его узнаваемость.

Третий — временной — вектор является конфигурацией практик во времени. Речь идет о соотношениях фоновых и преобразующих практик, значимых для конкретного жизненного этапа, распространенных на актуальной исторической дистанции, которую преодолевает личность. В зависимости от того, как она истолковывает содержание и значимость уже пройденного этапа жизненного пути, переживаемого в данное время и предстоящего в будущем, происходит процесс смыслообразования.

Оптимизация практик жизнеконструирования предполагает обновленные конфигурации персональных практик, направленных на самоидентификацию, освоение значимой для личности коммуникативной территории и смыслообразования в соответствии с отрезком жизненного пути.

Практики автобиографирования едва ли не самые важные и в процессе самоидентификации, и во время автономизации, обеспечивающейся новыми коммуникативными территориями, и в поисках новых смыслов на каждом этапе жизни. Пытаясь улучшить свое жизнеописание, человек переходит от констатирования ряда событий к их переосмыслению, поиску причинно-следственных связей, открытию новых смыслов. Письменные и устные рассказы о собственной жизни реально способствуют ее изменению, делают эти изменения более взвешенными, более осмысленными, более подготовленными.

К текстуализированным способам оптимизации практик можно отнести *реконструкцию* в виде “латания” дыр в личностной истории, инструментом которого становится нарратив, изменяющий композиционно-смысловые аспекты автобиографии; новый *монтаж* уже известных, апробированных нарративов, инструментом чего становится ментатив; *фрагментацию* нарратива, что способствует расширению, разветвлению значимых для автобиографии смыслов; обновленную *фокализацию* автобиографирования, что предполагает смену фокуса рассказа с эгоцентрированного на эгодецентрированный или, наоборот, обеспечивает обогащение коммуникативной структуры текста; *переадресацию* — смену адресатов рассказа, что в

первую очередь влияет на коммуникативную структуру текста, а уже через нее на ценностно-смысловую; *рефлексирование* — помощь в осознании ценностно-смысловых, нормативно-регуляторных акцентов в развертывании саможизнеописания; *демаркацию* границы, то есть переход между привычными, повседневными практиками и практиками новыми, рискованными, преобразовательными.

Такие способы оптимизации автобиографирования, как реконструкция, монтаж и фрагментация, направлены прежде всего на персональный вектор жизнеконструирования. Благодаря этому сначала в автобиографическом тексте, который воссоздает прошлое, а затем и в актуальной реальности совершенствуются возможности заботы о себе, апробируются новые аспекты самоидентификации. Монтаж, фокализация и переадресация работают на пространственный вектор жизнеконструирования, содействуя личностной автономизации и улучшая способы взаимодействия с социумом. Соответственно, реконструкция, рефлексирование и демаркация границ направлены на оптимизацию временной конфигурации практик жизнеконструирования, обеспечения множественности личностных проектов жизни вместо единственного и фатального жизненного пути.

Объединение в новые смысловые цепи персонального, пространственного и временного векторов жизнеконструирования обеспечивает достижение относительного баланса повседневных и преобразовательных практик на фоне плюральности ценностей и целей, склонностей и интересов многогранной личности.

МИРОСЛАВА КУХТА, кандидат социологических наук, преподаватель кафедры социологии и политологии гуманитарного института Национального авиационного университета

Жизненные перспективы как средство саморегуляции личности

Человеку свойственно желание прожить свою жизнь как можно лучше, достичь состояния удовлетворенности жизнью, поэтому он постоянно должен решать, как ему выстраивать собственную жизнь, к чему стремиться, что годится сейчас, а что — в будущем, что нужно делать, а с чем — подождать. Эти вопросы предстают в форме жизненных выборов и влияют на специфику поведения человека. Выбирая варианты желаемой для себя жизни, человек осуществляет выбор не однократно — жизненные раздорожья присущи всем отрезкам жизненного пути и разным возрастным периодам. Жизненные задачи и, соответственно, выборы будут отличаться на разных этапах жизни, однако существует основа, которая будет влиять на характер этих выборов, — ценностные ориентации индивида, обуславливающие формирование стратегических и локальных целей и, соответственно, особенности жизнеосуществления. В зависимости от ценностей человек выбирает способы достижения желаемых целей — определенные стратегии, которые могут привести к успеху. При этом разнятся не только представления о моделях жизненного успеха, но и пути, ведущие к этой цели. Есть путь, который называется путем жизнестворчества (по Л.Сохань), есть пути, которые можно назвать “дорогами большинства”, то есть либо искать собственные смыслы, либо ориентироваться на предлагаемые в качестве желаемых в обществе.

Следует сказать, что перспективы жизни личности и жизненный путь находятся в тесной связи друг с другом. Иногда перспективы сужаются (в период общественных кризисов или жизненных трудностей самого индивида), иногда, наоборот, будущее может представляться ярким и необозримым. Здесь, на мой взгляд, термин “жизненный путь” перекликается с понятием китайской философии “Дао” — “путь человека”. Однако жизненный путь в нашей культуре видится таким, который нуж-

но продумать заранее, направленным во времени, и отсутствие перспектив в нашем понимании — большое несчастье. В то же время понятие “Дао” концентрирует внимание человека на времени настоящем. Кроме того, речь идет о том, что в идеале каждый должен ориентироваться лишь на собственное самоощущение, то есть лучшего или худшего “Пути” быть не может: “Вы должны найти свой собственный Путь, ничей другой вам не подойдет. Будда прошел Путь, Лао Цзы прошел Путь, Иисус прошел Путь, но вам это не поможет, потому что вы не Будда, не Лао Цзы, не Иисус. Вы это вы, уникальный индивидуум. Только найдя свою дорогу, только прожив свою жизнь, вы обретете Путь”, — утверждает Ошо в своей книге “Дао — история и учения”¹. С такой точки зрения никто не может предвосхитить свое будущее, это — жизнетворчество в своем спонтанном проявлении.

Специфические условия развития современного общества, характеризующиеся неопределенностью и непредсказуемостью путей развития, подталкивают к мысли, что высокоэффективный индивид в нем — это индивид, способный быстро адаптироваться к нестабильным условиям современности, изменять свое поведение в соответствии с изменчивыми правилами “игры”. А как же тогда перспективы, и куда деваться с мыслями о будущем? Здесь, на наш взгляд, уместно вспомнить подход К.Абульхановой-Славской. В ее концепции личностной организации времени понятие личного времени (в которое можно включить и будущую временную перспективу) раскрывается через понятие активности, которое является способом организации времени жизни, как способ превращения потенциального времени развития личности в реальное время жизни. Позже, согласно данной концепции, В.Ковалева выделила четыре типа регуляции времени:

- стихийно-бытовой (характеризуется зависимостью от событий, ситуативностью, неумением организовать последовательность событий и отсутствием инициативы);
- функционально-деятельностный (умеет организовать и регулировать определенные события, однако инициатива возникает только актуально);
- созерцательный (характеризуется пассивностью и неспособностью организовывать время);
- умозрительно-преобразовательный (обладает свойством пролонгированно организовывать время, что соотносится со смыслом жизни и логикой общественных тенденций).

Именно последний из типов способен целостно и пролонгированно регулировать и организовывать время, иными словами, именно эти люди ближе всего к творческому проектированию и осуществлению личностью своей жизни, что (по мнению Л.Сохань) и является предпосылкой полноты самореализации.

МАКСИМ ПАРАЩЕВИН, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Современная религиозность как проявление жизнетворческих ориентаций

Одним из важных контекстов, в котором может быть рассмотрена проблема жизнетворчества, является религиозный, поскольку религия — это едва ли не наиболее

¹ Ошо. Дао: история и учения / Ошо; пер. с англ. Е.Никитина. — М.: АСТ: Астрель, 2005. — С. 3.

традиционная составляющая человеческой жизни. Религиозные учения обычно являются целостным комплексом, связанным со всей системой культуры, в пределах которой они возникли, и как таковые они противостоят иным религиозным комплексам, защищая свой ареал, борясь за монопольное право на управление населением той территории, на которой они распространены. В течение веков человек, можно сказать, рождался в “своей” религии, в “своей” религиозной организации и принимал их как данность, не пытаясь судить о правильности или неправильности господствующих догматов и ритуалов. Можно предположить, что в домодерные и раннемодерные времена религия была делом не столько личным, сколько социальным, коллективным. Разумеется, всегда были отдельные лица и группы, выражавшие сомнения в правильности интерпретаций религиозного учения, предлагавшихся религиозными “профессионалами”, но таких людей было немного (кроме моментов масштабных религиозных инноваций, переворотов), и большинство воспринимало их как еретиков, отступников. Поэтому для абсолютного большинства людей религия имела характер догмы, причем элементы творчества, самостоятельной переработки и приспособления к своим целям и желаниям здесь практически отсутствуют.

Ныне в странах, прошедших путь модернизации по западному образцу, в частности и в нашей стране, ситуация кардинально изменилась. Религия стала преимущественно делом индивидуальным и, соответственно, существенно увеличилась творческая составляющая личной религиозности. И здесь речь идет не только о возможности самостоятельного решения о том, быть верующим, атеистом или агностиком, но и о возможности самостоятельного выбора содержания своей веры.

Для многих верующих в значительной степени индивидуализировалось само содержание их религий. Ведь теперь часто можно встретить готовность верующих самостоятельно формировать свои представления в рамках вероучения или выходя за его рамки. То есть, с точки зрения традиционных религий, проблема не в том, что верующие плохо знакомы с основами своих вероучений (такая ситуация как раз исторически естественная; большинство всегда довольно поверхностно знакомо с догматическими составляющими религии и сосредоточено, как правило, на ее внешних проявлениях, ритуалах и формальной принадлежности), дело в том, что верующие начинают подвергать сомнению транслируемые религиозными организациями истины, пытаются самостоятельно определять, что они будут считать правильным, а что отбрасывать. Распространяется религиозный поиск, религия становится делом выбора, а не автоматического принятия того, что преобладает среди большинства, того, в чем человек воспитывался.

Более того, современные верующие готовы не только реструктурировать учение своей религии (воспринимая его не целостно, а выбирая приемлемую комбинацию элементов), но и комбинировать его с учениями других религий, заимствуя представления, кардинально расходящиеся с их “родным” верованием. Например, христиане могут принимать веру в переселение душ, что абсолютно противоречит христианскому учению о жизни после смерти.

Еще одним проявлением религиозной индивидуализации и, соответственно, более творческого отношения к сфере религии и к формированию личной религиозности является существенная дисперсия религиозного поля. Если даже в начале XX века религиозная (христианско-православная) однородность для этнически украинского и русского населения на нашей территории была делом привычным, то сегодня налицо бурный рост разнообразных нетрадиционных религий, имеющих как западное (в основном разнообразных протестантских направлений), так и восточное происхождение. Все больше православных и греко-католиков, недовольных деятельностью религиозных организаций, к которым они формально принадлежали, делают свой выбор в пользу нетрадиционных религиозных движений. В подавляющем большинстве это движения, имеющие христианскую почву, что свидетельствует о том, что даже творческие ориентации обычно ограничены определенной сфор-

мированной ранее мировоззренческой базой, и творчество осуществляется преимущественно в пределах этих оснований.

Замечу, что очерченное выше состояние сталкивается с весьма толерантным восприятием со стороны общества. Конечно, эта толерантность не абсолютна, поскольку большинство православных и греко-католиков вполне позитивно восприняли бы уменьшение инорелигиозного “вторжения”. Но это вполне нормальная ситуация, поскольку полного принятия “инаковости” в религиозной сфере быть не может из-за претензий каждой религии на высшую истину (поэтому те, кто эту истину не признает, в лучшем случае могут считаться заблуждающимися). Минимальность открытой агрессии в отношении других конфессий — абсолютно позитивный момент нынешней религиозной ситуации и сама по себе является результатом индивидуализации и уменьшения социальной значимости религии.

АЛЕКСАНДР РЕЗНИК, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Гражданские практики как формы социального творчества

Концепция жизнотворчества Л.Сохань основана на деятельностном подходе, при котором осуществление творческой продуктивности личности базируется на потенциале собственной жизни, собственного опыта. В общественно-политической сфере поведенческими проявлениями жизнотворчества можно считать гражданские практики как индивидуальные или коллективные формы действий с целью влияния на политические институты. Именно гражданскими практиками, играющими активную роль в формировании новой нормативной системы переходных обществ, к которым относится и украинское, закрепляется необратимость социальных и политических изменений. Именно способность субъектов гражданских практик изменять политические институты и влиять на нормативную систему выделяет их как формы социального творчества.

Через гражданские практики проявляется феномен гражданственности — осознания гражданином своих прав и обязанностей в жизни страны, создания условий для как можно более полного раскрытия всего потенциала человека, его творческого самовыражения. Интенсификация человеческого фактора позволяет эффективнее решать общественные проблемы. Гражданские практики, помимо неэлекторальных форм политического участия, предполагают членство в общественных организациях, участие в делах местной общины и разного рода контакты с учреждениями или организациями. Таким образом, понятие гражданских практик означает совокупность действий, которые под влиянием разных детерминант зарождаются, укрепляются и постепенно заполняют неинституционализационное пространство благодаря своей способности трансформировать политические структуры и социальные отношения.

Теоретическое осмысление роли гражданских практик как формы социального творчества связано с марксистской идеей революционного “праксиса”, которая делает ударение на активности и преобразовании, обращаясь прежде всего к человеческому действию в природном и человеческом мирах, когда подчеркивается роль действия в преобразовании мира, приоритет действия над мыслью. Практика определяется как чувственно-предметная форма жизнедеятельности общественно развитого человека, а ее содержание сводится к освоению природных или социальных сил. Будучи целесообразной деятельностью, практика выступает в виде целостной системы операций и раскрывает свою сущность в ряде моментов; это — цель, сама целесообразная деятельность, предмет, средства, результат практической деятельности. В этом контексте категория практики тесно связана с такими понятиями, как деятельность, труд, производство. Если труд фиксирует деятельность индивида как

субъекта экономических отношений, то практика — это чувственно-материальная деятельность, взятая в ее совокупно-общественной форме.

В таком понимании это понятие было разработано и получило распространение в работах А.Грамши, Д.Лукача и Л.Альтюссера. Благодаря понятию “практика” в рамках марксизма привлекается внимание к социально-творческой природе социальных институтов, а также к возможности их изменения, то есть к способности человека к свободе, которой невозможно достичь в полной мере на индивидуальном уровне. Марксистское понимание практики имеет ярко выраженную сфокусированность на ее предметно-производственном характере, поскольку для диалектического материализма практика является применением материальных средств в процессе изменения и познания материальной действительности. В частности, в социологических словарях концепт “праксис”, отчасти на основе ранних произведений К.Маркса, приобретает два близких значения. Во-первых, практика интерпретируется как действие, противоположное философской спекуляции. Во-вторых, это понятие предполагает такое фундаментальное свойство человеческого общества, как материальное производство для удовлетворения основных потребностей. В марксизме понятие “практика” стало фундаментальной категорией, по которой марксистское мировоззрение отличается как от идеализма, так и от предыдущих форм материализма. Марксизм понимает практику как целенаправленную (в частности, политическую) деятельность по изменению материального и социального мира, в том числе самого человека.

Проблему социального творчества через рост гражданской активности преимущественно связывают с естественным развитием человеческой цивилизации. Мысль о том, что характер политической институционализации в определенных условиях или ситуациях зависит от активного слоя населения, не нова. Собственно, А.Турен обратил внимание на то, что в эпоху модерности на передний план выходит актер как воплощение субъекта. Актер отличается от остальных участников общественной жизни своим стремлением не обращать внимания на устоявшиеся правила, не приспосабливаясь к имеющимся условиям, а утверждать собственные потребности. Социальная система в теории Турена выглядит как система исторических (социотворных) действий, осуществляемых социальными актерами с целью формирования новых общественных отношений. Критерием классового расслоения общества у Турена служит не богатство или власть, а мера классового контроля над историчностью (перспективными ценностными ориентациями, социальными накоплениями, изъятием и производством ресурсов развития). Ключевым является то, что перспективные ценностные ориентации (культурная модель будущего) принимают законные формы в случае превращения их в государственную идеологию. В итоге будущее развитие оказывается не предметом добровольного общественного выбора на основе гражданского согласия и межгрупповых конвенций, а объектом принудительного диктата той группы, интересы и свободу которой культурная модель будущего в наибольшей мере выражает.

НАТАЛЬЯ БОЙКО, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Социально-психологические особенности властной элиты в измерении общественного жизнетворчества

Казалось бы, изучение властной элиты — довольно прагматичного и даже циничного сегмента нашего общества — требует от исследователя такой же позиции,

как и для личностной включенности и осознания изучаемого объекта. Однако изучение элит в традициях концепции жизнотворчества, трактующей жизнь как творческий процесс, позволило нам подойти к изучению властной элиты и социального взаимодействия в общества шире, чем это было ранее принято в научном сообществе, занимающемся изучением этих проблем.

Замечу, что период общественных трансформаций связан с изменениями в системе социальных норм, ожиданий, ценностей разных слоев общества. В таких условиях особенности функционирования элитных групп общества более, чем когда-либо, обуславливают направление общественного развития, а социальные и социально-психологические характеристики представителей элиты представляют собой один из важнейших показателей актуального состояния общества и возможных перспектив его дальнейшего развития.

Многую была разработана методика изучения социально-психологического образа властной элиты. Раскрытие образа группы осуществлялось с помощью самооценочных характеристик ее представителей. Анализировались ответы на два вопроса: “Какие черты, по Вашему мнению, должны быть присущи человеку, который принадлежит к правящей элите?” и “Какие черты, по Вашему мнению, наиболее характерны для нашей правящей элиты?”. Оценка качеств фиксировалась по шестибальной шкале от наименее необходимых / присутщих к наиболее необходимым / присутщим элите качествам. Для оценки по обоим вопросам предлагался перечень из 14 личностных качеств — образованность, компетентность, эрудированность, порядочность, принципиальность, идейность, патриотизм, терпимость, ответственность, целеустремленность, инициативность, решительность, гибкость, уверенность. Таким образом, в результате были получены два обобщенных портрета группы — идеальный образ и реальный портрет властной группы (представителя властной элиты).

Приведенные качества можно условно разделить на три группы, которые репрезентируют: когнитивный (или гносеологический) потенциал группы (*1-я группа качеств*), включающий психологические качества, с которыми связаны познавательная, информационная, образовательная возможности человека. Моральный (или аксиологический) потенциал (*2-я группа качеств*), который определяется качествами, имеющими ценностную, моральную направленность, обеспечивающими соблюдение моральных принципов. Они характеризуют человека в контексте направленности и форм его поведения. Деятельностный (практический) потенциал (*3-я группа качеств*) обуславливает функциональные возможности решения проблем. Сила, энергия, с которыми человек добивается целей, умение преодолевать трудности, последовательность действий в отстаивании своих взглядов и выполнении принятых решений.

По результатам факторного анализа было выделено три фактора, которые оказались близки к выделенным выше группам социально-психологических качеств — когнитивный фактор (*1-я группа*) объединяет такие характеристики, как образованность, компетентность, эрудированность, гибкость, терпимость; в моральный фактор (*2-я группа*) вошли порядочность, патриотизм, ответственность, принципиальность; наконец, деятельностный фактор (*3-я группа*) образовали целеустремленность, решительность, уверенность, инициативность.

По мнению экспертов, идеальный образ представителя властной элиты образуется на основе сбалансированного наполнения всеми тремя выделенными группами качеств, хотя несколько сильнее акцентируется важность моральных качеств. Реальный же образ отличает очевидное преобладание качеств, которые составляют 3-ю (деятельностную) группу (46,5%), тогда как когнитивные и моральные качества представлены в меньшей степени (их отметили соответственно 27,9% и 25,5% опрошенных).

Результаты анализа свидетельствуют о том, что идеальный образ лидера — это образ человека, в котором сочетаются не только решительность и уверенность в себе, но и порядочность, принципиальность и ответственность. Но и представление

о необходимости наличия у лидера моральных качеств еще не нивелировалось в сознании представителей властных структур.

Характеризуя результат сравнения двух образов представителя властной элиты — “реального-Я” и “идеального-Я”, можно указать и на то, что речь идет о самооценке группы, и эта самооценка не является завышенной, что может дать толчок к дальнейшему творческому развитию человека, конечно, при наличии такого желания.

Формирование определенных черт отнюдь не обусловлено сугубо генетически, а является также результатом определенных жизненных влияний, актуализируя и активный позитивный процесс жизнотворчества представителей властных элит.

Очевидно, что гармония социальных черт характера в определенной мере связана с гармоничной организацией общества. Система потребностей, ценностей, тип личности в целом формируются под воздействием жизненных обстоятельств, в которых тот или иной тип имеет свои преимущества; он может закрепляться или изменяться в зависимости от ситуации. Но если к развитию качеств подходить с точки зрения гармонического развития личности, то оптимальным вариантом будет пропорциональная взвешенность всех составных. Равномерное соотношение и развитие всех групп качеств должно способствовать гармоничному развитию человека, всестороннему раскрытию и проявлению его лучших внутренних качеств.

ВАЛЕНТИНА НЕЧИПОРЕНКО, доктор педагогических наук, директор Хортицкого национального учебно-реабилитационного многопрофильного центра

Инновационное развитие учебно-реабилитационного центра на принципах педагогики и психологии жизнотворчества

Как известно, “нет ничего более практичного, чем хорошая теория”. Поэтому закономерно, что в течение многих лет научно-педагогический коллектив Хортицкого национального учебно-реабилитационного многопрофильного центра успешно осуществляет инновационно-поисковую работу на основе положений педагогики и психологии жизнотворчества.

В ходе развития инновационной образовательно-реабилитационной системы перед педагогическим коллективом встали стратегически важные вопросы: как не допустить узости в реабилитационной педагогике, не ограничиться узкими рамками коррекционно-развивающей деятельности? На основе какой теории возможна реализация принципа личностной направленности образовательно-реабилитационного процесса?

На помощь пришла концепция жизнотворчества личности, ее идеи вдохновили коллектив учреждения на разработку новой философии образования как процесса создания обогащенного образовательного пространства для обретения ребенком способности к свободному, сознательному жизненному самоопределению, овладения потенциально возможными ресурсами успешному преодолению собственных проблем. Системное реформирование образовательно-реабилитационной системы Хортицкого центра в контексте жизнотворческой парадигмы осуществлялось в течение двадцатилетней экспериментальной деятельности, результатом чего стало создание Школы жизнотворчества — инновационного учреждения, воплощающего ключевые приоритеты образования XXI века.

В структуру заведения входят: областной центр ранней социальной реабилитации детей-инвалидов; санаторная общеобразовательная школа-интернат I–III уровней аккредитации с дошкольным отделением и специальными классами для де-

тей, нуждающихся в корректировании физического развития; колледж I–II уровня аккредитации с педагогическим, художественным отделениями и отделением ландшафтного дизайна. Организационная, содержательная и методическая преемственность коррекционно-реабилитационной деятельности специалистов указанных подразделений позволяет реализовать на практике оптимальный подход к медико-психолого-педагогическому сопровождению становления ребенка с ограниченными возможностями здоровья как творца и проектировщика собственной жизни, обеспечить непрерывность жизнетворческого роста личности — с первых лет жизни до момента получения диплома, возможности самостоятельно жить, работать и интегрироваться в социум в новом качестве.

Структурно-функциональное взаимодействие образовательно-реабилитационных подразделений заведения обуславливает синергетический эффект — выполнение Хортицким центром социокультурной миссии Школы жизнетворчества. Поскольку «все познается в сравнении», ее характеристики можно определить в сопоставлении с традиционной общеобразовательной школой.

Если традиционная школа ставит своей целью подготовку учеников к жизни, то Школа жизнетворчества — это пространство жизни ребенка, реализации его витальных, духовных потребностей и интересов, культуры жизненного самоопределения. Традиционная общеобразовательная школа обычно работает в режиме функционирования, тогда как Школа жизнетворчества сможет выполнять свое назначение лишь в условиях работы в режиме опережающего, проектного развития. Если в традиционной школе нововведения имеют эпизодический характер, то Школа жизнетворчества характеризуется перманентностью инновационного процесса, охватывающего все аспекты жизни ребенка и учебного заведения. Основу образовательных результатов традиционной общеобразовательной школы составляют знания, умения и навыки, тогда как в Школе жизнетворчества развиваются ключевые жизненные компетенции ребенка, благодаря чему он приобретает способность использовать знания как инструмент решения жизненных проблем.

Экспериментальная деятельность Хортицкого центра как Школы жизнетворчества получила общественное признание. В 2007 году ему присвоен статус инновационного, а в 2010-м — национального заведения. Почетные статусы способствуют распространению инновационного опыта в разных регионах Украины, становлению заведения в новом качестве — как флагмана отечественного образования, генератора прогрессивных просветительских идей.

НАТАЛИЯ ГОРДИЕНКО, кандидат социологических наук, заместитель директора по научно-методической работе Хортицкого национального учебно-реабилитационного многопрофильного центра

Организация социальной и жизненной практики учеников как приоритет деятельности Школы жизнетворчества

Одним из приоритетов развития у школьников жизненной компетентности и способности к успешному жизнетворчеству является привлечение их к социальной и жизненной практике. Именно практика выдвигает перед ребенком актуальные жизненные проблемы, без чего он никогда не станет жизнестойкой личностью, готовой идти вперед, опережать, а не догонять общественное развитие.

Важность социальной практики как приоритетного средства социализации человека требует создания в учебных заведениях условий для того, чтобы ученики в процессе практической общественно значимой деятельности познавали закономерности и механизмы общественной жизни, учились решать актуальные социальные

проблемы. Современная школа должна преодолеть ограниченность социального пространства развития учеников и выйти на путь развития образовательной системы как открытой, общественно активной, базирующейся на принципах партнерства, координации усилий субъектов воспитания.

В контексте общецивилизационных вызовов XXI века значение жизненной практики растет прямо пропорционально тем угрозам, которые несут обществу люди, лишённые способности к жизнепознавательной деятельности и жизнетворчеству. Динамичное, информатизированное и глобализированное общество требует дальновидных руководителей и практических работников, способных видеть как актуальные проблемы, так и перспективные потребности, работать в режиме опережающего, инновационного развития. В таких условиях задача школы — организовать эффективную жизненную практику личности, обеспечить ее становление как исследователя и проектировщика собственной жизни.

Все эти задачи эффективно решает коллектив Хортицкого национального учебно-реабилитационного многопрофильного центра в рамках Всеукраинского социально-педагогического эксперимента, посвященного проблеме развития социальной и жизненной практики учеников в системе компетентностно направленного образовательно-реабилитационного пространства. В ходе инновационной деятельности внедряется системный подход к организации социальной и жизненной практики как подсистем целостной системы практико-ориентированного жизнетворчества учеников.

Социальная практика является организационной формой, механизмом передачи ученикам социального опыта, привлечения их к социальному творчеству, общественно полезному труду, продуктивному образованию. Согласно этим приоритетам подсистема социальной практики школьников состоит из шести компонентов: пропедевтической, творческой, управленческой, производственной, исследовательской практики и практики социального служения. Социальная практика реализуется в таких организационных формах, как участие в работе ученического-студенческого самоуправления, в социальных и социально-педагогических проектах, профессиональные испытания и стажировки на предприятиях, в организациях и других учреждениях, с которыми заключены соответствующие договоренности, работа в производственных мастерских, встречи со специалистами, волонтерская работа в общественных организациях, социальных службах, детских домах, социальное служение, патронат, участие в работе детских и молодежных организаций, реализующих социально значимые программы, шефство над историческими и культурными памятниками.

Подсистема жизненной практики включает такие компоненты, как жизненные исследования, жизненное проектирование и жизненные инновации учеников. Организационными формами реализации жизненной практики учеников являются жизнепознавательные исследования в рамках подготовки выпусков Всеукраинской газеты “Мастер-класс”, исследование жизни литературных героев на уроках литературы, анализ нарративов, репрезентирующих закономерности и принципы жизни, внедрение программы “Искусство жизненного проектирования”, составление воспитанниками жизненных проектов, индивидуальных и групповых жизнетворческих портфолио, разработка и реализация самообразовательных и самовоспитательных программ.

Инновационный опыт Хортицкого центра свидетельствует о том, что для преобразования полученных учениками знаний, умений и навыков в качественно новую характеристику — жизненную компетентность — необходимо привлечение их к социальной практике в качестве полноправных субъектов. Воспитательная система заведения должна быть средоточием активной деятельности всех детей, их самоуправления, коллективной ответственности и сотворчества. Перестройка на этих основаниях деятельности учебно-реабилитационного центра предполагает его развитие как открытой социально-образовательной системы, способной обеспечить

эффективную социализацию и полноценное жизнетворчество всех детей независимо от состояния здоровья.

ЕВГЕНИЙ ГОЛОВАХА, доктор философских наук,
заведующий отделом методологии и методов социологии
Института социологии НАН Украины

Время жизнетворчества: прошлое, настоящее, будущее

Я бы хотел остановиться на одном важном аспекте жизнетворчества, с которым связана научная работа Лидии Васильевны Сохань, ее учеников, последователей и единомышленников. Творческое отношение к жизни подразумевает не в последнюю очередь способность понять и эффективно использовать время жизни. Практика использования времени жизни в школе жизнетворчества впечатляет. Первые монографии, которые были изданы несколько десятилетий назад, не утратили научной ценности. Их читают и цитируют молодые психологи, социологи, педагоги. Появляются новые труды, учитывающие реалии сегодняшней жизни. Для школы жизнетворчества время не останавливается и не уходит в пустоту. Меняется тематика, появляются новые ориентиры научного поиска, но неизменным остается событийная насыщенность и гармоничная взаимосвязь модусов времени — прошлого, настоящего и будущего.

Именно эти характеристики времени жизни оказались в центре внимания двух сотрудников отдела философских проблем психологии Института философии АН УССР, когда в нем на рубеже 70–80-х годов прошлого столетия начали осуществляться первые исследования образа и стиля жизни личности. В те времена еще не было термина “жизнетворчество”, но отношение к жизни и работе в отделе было вполне творческим. И наши с Александром Кроником исследования нашли в нем поддержку, несмотря на то что были совсем далеки от идеологии. Почему я останавливаюсь именно на этом аспекте нашей работы? Дело в том, что Институт философии АН УССР рассматривался властью в те времена прежде всего как идеологическое учреждение, и совсем уж “безыдейные” концепции вроде психологического времени не поощрялись. Но и в этой атмосфере в некоторых отделах института философские и психологические исследования оставались по сути ценностью нейтральными. Так случилось и с концепцией психологического времени, которая сегодня воспринимается как вполне естественная составляющая тематики жизнетворчества. Однако в 1983 году, когда мы с Александром Кроником подготовили монографию, в которой эта концепция излагалась, дирекция Института не удовлетворилась двумя традиционными рецензиями, а потребовала дополнительных. В итоге книга стала уникальной хотя бы потому, что в ней значились четыре официальных рецензента. После рекомендации к печати книга неожиданно исчезла из издательских планов, и пришлось нам и Лидии Васильевне приложить немало усилий, чтобы ее восстановили в плане изданий следующего года. Но к тому времени мы уже опубликовали несколько статей в научно-популярном журнале “Знание—сила”. После выхода книги в 1984 году провели эксперимент с читателями журнала и получили две тысячи писем... Были получены уникальные данные о восприятии времени жизни людьми из всех регионов Советского Союза. По этим публикациям нас нашли режиссеры научно-популярного кино, и мы сняли с ними два фильма: “Интервью с самим собой” на “Киевнаучфильме” (режиссер Вячеслав Прокопенко) и “Стрела времени” — на Горьковской студии (режиссер Юрий Беспалов).

Казалось бы, все это дела далекого прошлого. Однако особенностью научной школы, основанной Л.В.Сохань, является прежде всего живая связь времен. И когда мы с Александром Кроником, давно уже обосновавшимся в США, решили органи-

зовать конференцию, посвященную 25-летию метода измерения психологического времени – каузометрии, то самый живой отклик нашли в отделе социальной психологии, которым к тому времени руководила Е.Г.Злобина (кстати, многие аспиранты Лидии Васильевны в разное время руководили отделом, и каждый внес свой вклад в его развитие и творческий потенциал). Вместе с сотрудниками отдела нам удалось провести конференцию, в которой приняли участие психологи и социологи постсоветского пространства — от Петропавловска-Камчатского до Риги. Мы лишний раз убедились в том, что результаты многолетней работы отдела не утратили актуальность и воспринимаются современными психологами как важная составляющая их современных научных поисков. Не случайно, наверное, международный проект по организации конференции, который включил публикацию нескольких книг и широко освещался в СМИ, получил “Золотую Психею” как лучший психологический проект года.

С точки зрения перспективы школы жзнетворчества важно не только то, что и сама Лидия Васильевна продолжает активно работать, и два поколения ее учеников сохраняют интерес к исследованиям личности в ее жизненном пространстве и времени. В последние два десятилетия жзнетворчеством всерьез увлеклись практические психологи и педагоги. “Уроки жзнетворчества” в современной педагогической практике становятся все более важной составляющей гуманистической трансформации системы образования. Сегодня на нашем юбилейном собрании присутствуют психологи, социологи и педагоги. Объединяет нас и желание отметить заслуги Лидии Васильевны, и уверенность в перспективности созданной под ее руководством школы жзнетворчества.